

Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси.

(Изъ архивныхъ и другихъ источниковъ).

Кулачные бои на Руси представляютъ такое характерное и своеобразное явленіе и такой интересъ въ развитіи нашей культуры, что все, что относится до исторіи этого народнаго развлеченія, разросшагося до грандіозныхъ размѣровъ и распространеннаго повсемѣстно въ Россіи, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Мнѣ лично, въ юношескіе годы, конца сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, приходилось быть зрителемъ кулачныхъ боевъ въ Москвѣ, когда на Москвѣ рѣкѣ многотысячныя толпы разнаго рода фабричныхъ, мастеровыхъ, торговцевъ, особенно изъ Охотнаго Ряда, мясниковъ и даже гостинодворцевъ, сходились „стѣнка на стѣнку“ и съ гиками и крикомъ бросались именно „стѣной“ — одна сторона на другую.

Это совсѣмъ не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нѣчто вродѣ игрища ¹⁾. Между тѣмъ удары наносились серьезно, причиняли ушибы и даже смерть. Кулачные бои существуютъ во многихъ странахъ, но всюду они носятъ характеръ или состязательный—единоличный, какъ напримѣръ боксъ въ Англіи, или поединка, что было и у насъ въ до-пет-

¹⁾ Любопытно, что въ общемъ собраніи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, 13 марта 1908 г. П. Г. Васенко сообщилъ о найденной имъ припискѣ въ Никоновскомъ спискѣ Степенной книги о сожженіи въ 1652 г. Никономъ дубинокъ, которыми бились буйные новгородцы на кулачныхъ бояхъ (Н. Вр.) Известно, что обѣ зарѣчныя стороны новгородцевъ бились обыкновенно на мосту черезъ Волховъ при разныхъ недоразумѣніяхъ; вѣроятно, въ такихъ случаяхъ пускались въ ходъ и дубинки, но никакъ не на бояхъ кулачныхъ. Палочный бой существовалъ до начала XVII вѣка и потомъ прекратился.

ровской Руси; но въ томъ видѣ, какой они имѣютъ въ Россіи—въ видѣ состязанія огромныхъ сборищъ толпы, одна съ другою, этого нигдѣ и никогда не было. Удаля, избытокъ силъ просились наружу и находили выходъ въ такомъ своеобразномъ игрищѣ.

О кулачныхъ бояхъ очень мало свѣдѣній и напрасно станемъ искать ихъ въ исторіи или пособіяхъ и монографіяхъ; извѣстія о нихъ можно найти только въ поученіяхъ церковныхъ и въ мемуарахъ. А между тѣмъ о „кулачныхъ бояхъ“ было немало правительственныхъ распоряженій, и приходилось даже бороться съ этого рода „спортомъ“. Но, странное дѣло, этотъ пережитокъ старины въ настоящее время—принялъ другую форму и привлекаетъ толпы зрителей на атлетическую борьбу, которую устраиваютъ уже антрепренеры изъ личныхъ цѣлей наживы. Теперь на аренахъ цирковъ и на сценахъ театровъ выступаютъ профессиональные борцы, приглашаемые со всѣхъ странъ свѣта; здѣсь можно встрѣтить англичанина, нѣмца и француза,—турка, японца и китайца, даже африканца.

Впрочемъ, несмотря на воспрещенія правительства, кулачные бои продолжаютъ еще существовать во многихъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего. Миѣ на примѣръ извѣстно, что они происходятъ въ Самарской, Подольской и кое-гдѣ Полтавской губ., а вѣроятно и во многихъ другихъ мѣстахъ. Зимой преимущественно на святкахъ, одна деревня выходитъ на другую, если онѣ смежны, или же въ своей деревнѣ одинъ конецъ становится противъ другого, и бой начинается.

Въ воспоминаніяхъ М. Л. Назимова 1812—1826 года ¹⁾ довольно подробно описаны кулачные бои въ Арзамасѣ, Нижегородской губерніи.

„Для кулачнаго боя, говоритъ онъ, „подъ вечеръ, въ праздники по составленнымъ заранѣе условіямъ“, собирались около широкаго моста, раздѣлявшаго городъ отъ села Вызднаго,

¹⁾ См. Журн. „Рус. Вѣстн.“ 1876 г. № 7 стр. 81.

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ, сынъ соляного пристава въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губ., родился въ 1807 году, получилъ первоначальное образованіе въ Нижегородской гимназій; четырнадцать лѣтъ поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Нижегородскій уѣздный судъ, но черезъ четыре года оставилъ службу и уѣхалъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ, остался при университетѣ и состоялъ членомъ Правленія. Скончался 5-го января 1878 г. Записки его (1807—1827) представляютъ много интереснаго въ бытовомъ отношеніи.

стоявшаго на противоположномъ городу берегу рѣки Теши (оно принадлежало Салтыкову и было не меньше города, заключаая болѣе трехъ тысячъ душъ преимущественно ремесленниковъ—столяровъ, плотниковъ, каменщиковъ) съ одной стороны арзамасцы, а съ другой вывздновцы.

„Общій уговоръ—не бить по головѣ, особливо въ лицо и лежачаго, руки имѣть въ рукавицахъ и ни подъ какимъ видомъ не класть въ нихъ какой-нибудь тяжелой вещи. Сначала пускали впередъ какъ-бы застрѣльщиковъ, мальчишекъ. За ними мало-по-малу группировались болѣе взрослые, но главная партія противниковъ оставалась въ резервѣ, особенно извѣстные по своей силѣ и искусству бойцы... Проигравшіе битву для будущаго боя дѣлають новыя совѣщанія и выборъ болѣе сильныхъ и надежныхъ бойцовъ.

„Мѣстныя власти, кажется, смотрѣли на этотъ дикій обычай сквозь пальцы, не имѣя вѣроятно предписаній начальства... Многія значительныя въ городѣ лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными. Кулачные бои держались и въ Москвѣ (прибавляетъ М. Л. Назимовъ) около фабрикъ, даже въ двадцатыхъ годахъ“.

Какъ я замѣтилъ выше, въ Москвѣ, зимою на рѣкѣ дѣло происходило такъ: обыкновенно въ праздникъ на льду рѣки постепенно, какъ бы случайно, собиралась и росла толпа простого „сѣраго“ люда сперва смѣшанно, а потомъ расходившагося на двѣ стороны—одна противъ другой, вдоль рѣки; раздѣляль обѣ стороны промежутокъ сажень въ десять. Толпа росла и гудѣла. Впереди, на свободномъ промежутомъ пространствѣ, подпрыгивая и затрогивая одинъ другого, скоплялось большое количество ребятъ и подростковъ,—они-то и начинали наступленіе и открывали бой.

По берегамъ рѣки тѣснились огромныя толпы зрителей, особенно изъ купечества и даже именитаго. Пріѣзжали въ экипажахъ, многіе, чтобы лучше видѣть, становились на нихъ или на скамьи, притаскиваемыя изъ ближайшихъ домовъ. Среди народа ходили сбитенщики, торговцы „патоки съ инбиремъ, гречневиковъ, пшенника, пряниковъ“.

Вся эта картина представляла грандіозное народное гулянье съ турниромъ, имѣвшимъ сейчасъ разыгратъя передъ зрителями. Здѣсь шли споры, заклады, имѣлись свои излюбленные бойцы и силачи, за которыхъ держали пари. Богатые гости-подворцы-любители привозили съ собою спеціальныхъ кулачныхъ бойцовъ, пользовавшихся славой, ихъ даже нарочито

выписывали изъ провинціи. Въ кулачныхъ бояхъ принимали участіе и татары, жившіе на Москвѣ въ большомъ количествѣ. Татарская слобода существуетъ и доселѣ.

И такъ толпы на рѣкѣ росли и представляли уже собою двѣ арміи, готовящіяся къ наступленію другъ на друга. Шли толки, споры, похвальбы... Конечно, у нѣкоторыхъ были спрятаны „закладки“ свинчатки,—это куски свинца, желѣза, даже камни, увеличивавшіе силу кулачнаго удара. Но эти „закладки“ жестоко преслѣдовали на кулачномъ бою, и горе тому, у кого ихъ обнаруживали. Толпа въ такихъ случаяхъ была безпощадна; тутъ не только противная сторона, но и свои набрасывались на виновника и били нещадно „смертнымъ боемъ“, иногда и забивая до смерти.

Въ бояхъ существовали свои правила и условія, очевидно, установившіяся съ глубокой древности и традиціонно исполнявшіяся на всѣхъ кулачныхъ бояхъ—повсемѣстно, напр. „лежачаго не бьютъ¹⁾“, по виску или подъ микитки тоже“ и друг.

И такъ дѣло начиналось застрѣльщиками-мальчишками, которые, галдя и дразня противную сторону, выскакивали одиночками, наносили одинъ другому удары, сшибали съ ногъ и опять убѣгали „къ своимъ“. Отдѣльныя столкновенія учащались, уже группами, съ гикомъ и ораньемъ нападали одни на другихъ. „Стѣнки“ сходились, и вотъ... съ страшнымъ гуломъ, свистомъ, криками, какъ прорвавшій плотину потокъ, стремительно бросалась „стѣнка на стѣнку“—начинался настоящій бой.

Собственно ничего ужаснаго или отвратительнаго кулачный бой не представлялъ. Видно было, какъ два потока сшибались другъ съ другомъ, какъ они точно волны—колыхались и то отступали, то набѣгали другъ на друга. Среди этихъ стѣнокъ рѣзко видны были „бойцы и силачи“, излюбленные и славившіеся иногда не только въ своей окрестности, но и далеко на Руси. Такъ въ половинѣ тысяча семисотыхъ годовъ и долго потомъ

¹⁾ Въ 1780 году, въ февралѣ, въ Совѣтѣ Императрицы, возникло дѣло о разводѣ брака князя Григ. Григор. Орлова съ фрейлиной Ульяной Николаевной Зиновьевой (имѣвшей другое имя Екатерина, подъ которымъ и была извѣстна), какъ двоюродной его сестрой. Такъ какъ положеніе приближеннѣйшаго къ Императрицѣ человека въ это время измѣнилось, и онъ удалился отъ дѣлъ, то члены Совѣта рѣшили: бракъ расторгнуть, а обонхъ виновныхъ заключить въ монастырь. Графъ К. Г. Разумовскій, возмущенный этимъ, напомнилъ своимъ товарищамъ, „что по правиламъ, соблюдаемымъ на кулачныхъ бояхъ, лежачаго не бьютъ“. Государыня не только не утвердила приговора, а даже назначила молодую княжну Орлову своей статсъ-дамой. („Рус. Архивъ“ за 1910 г. стр. 428).

славились въ „стѣнкахъ“ казанскіе суконщики; а изъ отдѣльныхъ бойцовъ—тульскіе: Алеша Родимый, Никита Долговязый. Пыляевъ говоритъ, что въ 1796 году побѣдителемъ долго славился цѣловальникъ Гордѣй (Стар. Петерб. 1893 г. стр. 423, Энцикл. Слов. Березина). Грозно поднимались ихъ руки, грузно опускались на противниковъ, и тѣ валились какъ пѣшки въ кегляхъ подъ ударомъ шаровъ,—многіе просто отбѣгали, и кругомъ бойца образовывалось свободное пространство.

— Ну, выходи, выходи!!!—вызывали бойцы противниковъ болѣе или менѣе себѣ равныхъ, и если находился такой—образовался бой въ одиночку—поединокъ. Побѣда одного изъ единоборцевъ иногда рѣшала бой, и побитая сторона обращалась въ бѣгство, а иной разъ бой и продолжался. Общая свалка принимала гомерическіе размѣры; страсти разгорались, и наконецъ одна изъ стѣнокъ стремительнымъ натискомъ сламывала противную сторону и обращала ее въ бѣгство. Ряды бѣглецовъ разстраивались, они уже не защищались, и вся масса неслась теперь въ одномъ направленіи—вдоль рѣки. Преслѣдуемые и преслѣдующіе смѣшивались, и только въ отдѣльныхъ случаяхъ видно было, какъ поднимались кулаки и наносились удары; въ спину—въ убѣгающаго бить воспрещалось, можно было драться только лицомъ къ лицу. Однако съ опрокинутой стѣнкой и бѣгствомъ одной стороны дѣло и не всегда кончалось; „опрокинутые“ поворачивали, сплотнялись и въ свою очередь превращались въ нападающихъ, а иногда и въ окончательныхъ побѣдителей.

Послѣ каждаго, въ особенности очень многолюднаго боя, непременно были тяжело побитые, увѣченные и даже убитые. На утоптанномъ снѣгу, по льду рѣки, оставались лежавшіе безъ движенія тѣла, товарищи убирали ихъ и уносили съ собою, или вмѣшивалась полицейская власть. Жертвы невольнаго, случайнаго изувѣченія не могли бы даже указать виновнаго, если это не было дѣломъ мести, вражды... Да и какъ уберечься, когда въ разгарѣ страсти, въ толпѣ, наносимый ударъ приходился неумышленно по такой части тѣла, что причинялъ вредъ, или даже смерть.

Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ въ 1823 году, во время путешествія Государя Императора Александра I-го на Югъ. Въ Пирятинѣ, 20-го іюля былъ кулачный бой и на бою этомъ, прибывшій изъ Кременчуга мѣщанинъ Иванъ Герасимовъ убилъ до смерти пирятинскаго мѣщанина же Трофима Сыроватникова. Командиръ расположеннаго въ Пирятинѣ Егерскаго

полка, Морозовъ, донесъ объ этомъ случаѣ Его Величеству. Очевидно Государь Императоръ былъ недоволенъ и огорченъ происшествіемъ—приказалъ наслѣдовать его и Высочайше повелѣлъ, указомъ отъ 20 октября, черезъ военнаго министра,—кулачные бои воспретить. (Поля. Собр. Зак. № 29627).

Кулачные бои происходили почти исключительно зимою и преимущественно на масляной, великимъ постомъ и по воскресеньямъ; въ Москвѣ собирались на рѣкѣ подъ Симоновымъ монастыремъ, подъ Дѣвичьимъ, у горъ Воробьевыхъ и въ окрестностяхъ фабрикъ. Въ Петербургѣ на Невѣ, на Фонтанкѣ, гдѣ бились охтяне съ фабричными и гдѣ злобные чухонцы обращали забаву чисто русскую и незлобивую въ бойню—они пускали въ ходъ ножи и наносили кровавыя раны... ¹⁾ Потомъ бились у Стекляннаго и Фарфороваго заводовъ, на Адмиралтейской сторонѣ—на лугу («на Зеленемъ Полѣ»), позади двора графа Апрансина и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напри- мѣръ, въ праздничные дни, скоплялись толпы простонародья, на Аптекарскомъ острову, въ Екатерингофѣ и даже у Зимняго Дворца ²⁾. Кстати сказать, что въ Москвѣ, въ старину бились и на перекресткахъ, а изъ указа 1640 года видно, что излюбленныя мѣста были въ Каменномъ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ ³⁾.

¹⁾ Смотри въ прилож. Указъ 1726 года.

²⁾ Пыльневъ.—Стар. Петерб. Изд. 1889 г., стр. 423.

³⁾ Забѣлинъ. Истор. гор. Москвы 1902 г., стр. 137—140, тоже стр. 154—158 и 163. „Каменный городъ“ или собственно „Кремль“ почти въ томъ же пространствѣ, какъ существуетъ и теперь, начатъ постройкой въ 1485 году Иваномъ III и оконченъ спустя десять лѣтъ, въ 1495 году. Каменные стѣны строили итальянскіе архитектора Антонъ и Маркъ „Фрязины“. Впослѣдствіи стѣны эти починались и передѣлывались постоянно.

Въ 1586 году Борисъ Годуновъ „началъ сооружать“ градъ каменный около (вокругъ) „Большую Посаду“ по существовавшему еще и построенному Еленой Глинской Земляному валу. Это и былъ „Бѣлый Городъ“ бѣлокаменный, получившій названіе „Царевъ Градъ“. Сооружалъ его въ теченіе семи лѣтъ русскій мастеръ Ѳеодоръ Конь. (Въ чертѣ Бѣлгорода заключался и Китай-городъ).

Затѣмъ въ 1591 году, чтобы отвлечь народъ отъ смуты, по убіеніи Царевича Дмитрія, Борисъ въ одинъ годъ построилъ вокругъ всѣхъ посадовъ московскихъ, на протяженіи 14-ти верстъ деревянныя стѣны съ высокими башнями, воротами, бойницами и пр. (все это въ 1611 году сожжено поляками). Въ 1633 г. Михайлъ Ѳеодоровичъ, вмѣсто сгорѣвшаго города, повелѣлъ насыпать „Земляной валъ“ съ глубокимъ рвомъ, а по валу поставить „Острокъ“ (т. е. тынъ). Это сооруженіе продолжалось восемь лѣтъ (1633—1640), и съ этого времени мѣстность внутри вала стала называться „Землянымъ городомъ“ или „Землянымъ валомъ“—(См. Костомаровъ, Очеркъ домаш. жизни и нрав. великорус. народа въ XVI и XVII в., стр. 20).

Какъ было замѣчено, кулачные бои существуютъ у насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ лѣтописи Нестора (по Никонову списку, изд. Академіи Наукъ 1767 г. т. I стр. 157-я). подъ 1068 годомъ говорится: „Себо не погански ли живемъ... правы всяческими льстями, превабляеми отъ Бога, трубами и скомо-рохи, и гусльми, и русалья; видимъ бо игрища утолчена, и людей много множество, яко *упихати другъ друга* позоры дѣюще отбѣса замышленаго дѣла“.

Въ этихъ частяхъ города рѣчки изобиловали запрудами и обширными водяными пространствами, а потому пустыри и перекрестки представляли чрезвычайное удобство для кулачныхъ боевъ, собиравшихъ огромныя толпы и участниковъ, и зрителей. На Троицкой площади, у воротъ Ильинскихъ, было отведено особое мѣсто для судебныхъ поединковъ „Поле“. Въ Китай-городѣ не было этихъ условій, да и все пространство его посвящено было исключительно торговлѣ и наполнено лавками. Кстати сказать, что Ив. Егор. Забѣлинъ выясняетъ время и поводъ построения и происхожденія названія „*Китай-города*“. (Смотри опыты изуч. рус. древн. т. 2, стр. 155). Между тѣмъ Н. М. Карамзинъ указываетъ (Ист. т. VIII, стр. 26), что еще Великій Князь Василій хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною, но исполнить этого не успѣлъ, и только жена его, правительница Елена Глинская, въ 1534 году, приступила къ этому дѣлу; и въ 1534 г. здѣсь мая 20-го начали копать глубокий ровъ отъ рѣчки Неглинной вокругъ всего Торговаго Посада къ Москвѣ рѣкѣ. Такъ назывался раньше Китай-городъ. Ровъ шелъ черезъ площадь Троицкую (гдѣ и было „Поле“—мѣсто судебныхъ поединковъ) и черезъ Васильевскій лугъ... Работало все населеніе города, отъ мала до велика, кромѣ бояръ и сановниковъ и въ іюнь ровъ уже былъ готовъ.

На слѣдующій годъ мая 16-го, новокрещеный итальянецъ Петрокъ Малый заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами: Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими). Всесвятскими, (Варварскими) и Козьмодемьянскими. Сей городъ былъ названъ по-татарски „*Китаемъ или среднимъ*“.

Итакъ „*Китай-городъ*“, по обнесеніи его стѣной, сталъ среднимъ между Кремлемъ и Землянымъ городомъ и заключалъ въ себѣ поле для поединковъ.

Китаемъ у татаръ назывались нѣкоторые чиновники (т. VIII, примѣч. 65-е) и даже, если вѣрять *Симонсису* князь Андрей Боголюбскій до крещенія носилъ имя *Китая* (т. III, примѣч. 26). Но объясненіе И. Е. Забѣлина д. б. признано болѣе вѣрнымъ.

Кстати прибавимъ, что Великій Петръ, въ 1701 году, повелѣлъ подсчитать количество строеній и опредѣлить размѣръ площади, занимаемой частями города. Оказалось, что въ Кремлѣ при 1.055 саженьяхъ окружности, было 43 обывательскихъ двора; въ Китай-городѣ, при 1.205 саж. (площ. 66.490 квадр. саж.) было 272 двора; въ Бѣломъ-городѣ, при 4.464 саж. (695.704 квадр. саж.) всего 2.532 двора и въ Земляномъ-городѣ при 7.026 саж. (квадр. 1.375.124) было 7.394 двора. Кромѣ того, за Землянымъ валомъ, на площади (въ 570.726 кв. саж.) было 6.117 дворовъ. Такимъ образомъ, Мо-

Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ (первый кievскій митрополитъ послѣ татарскаго нашествія), при развившемся неурядицѣ въ духовенствѣ и народѣ, собралъ во Владимірѣ соборъ, на которомъ между иными правилами постановлено: „отлучать отъ церкви участвующихъ въ кулачныхъ бояхъ и бояхъ „кольями“, а убитыхъ не отпѣвать; правила эти вошли въ Кормчую книгу и служили руководствомъ для духовенства, подѣ строгой отвѣтственностью за неисполненіе ¹⁾. Далѣе о кулачныхъ бояхъ говорится въ посланіи Святит. Іоны митрополита Московскаго ²⁾ (сконч. 31 марта 1461 г.). О нихъ упоминаетъ и Герберштейнъ въ Запискахъ о Московіи ³⁾.

сква въ то время насчитывала 16.358 дворовъ. (См. Забл. стр. 168. Костомар. стр. 20, 45).

Въ 1534 г. сдѣланъ былъ городъ на Москвѣ земляной, гдѣ мыслилъ ставить В. Кн. Василій Ивановичъ, въ тотъ годъ умершій. Сдѣланъ градъ на большое пространство Москвы, хитрецы устроили его весьма мудро. Наченъ отъ каменной большой стѣны (отъ Кремля, отъ угла стѣны Никольскихъ воротъ) и сплетяху тонкій лѣсъ около большаго древа и внутрь насынаху землю и весьма крѣпко утверждаху и ведоша по Москвѣ рѣцѣ и приведша къ той же стѣнѣ (т. е. пройдя проломанныя ворота) повернула направо и пересѣкла Васильево поле (гдѣ теперь выст. домъ, за Варварскими воротами къ рѣкѣ) и на верстѣ устроили градъ древянъ по обычаю (т. е. помостъ съ кровлей для защиты) и нарекла граду имя *Китай*. (Прозваніе *Китай* по всему вѣроятію значитъ *плетеничный*; ибо китъ есть веревка, свизая изъ травы, хвороста, соломы; кита, *китъ* вообще есть плетеница—веревка изъ соломы,—хворосту. Описанное устройство Китай-городскихъ первыхъ стѣнъ вполне подтверждаетъ это прозваніе (Заблнинъ Оп. изучен. рус. древностей, т. 2-й стр. 154—155).

¹⁾ Митрополитъ Кириллъ, какъ видно изъ лѣтописи Волынской (223) въ 1241 году былъ печатникомъ у кн. Данила Галицкаго, а въ 1242 г. по упраздненіи епископін въ Угровескѣ и открытіи въ Холмѣ, назначенъ туда епископомъ. Въ 1243 году онъ избранъ южными князьями митрополитомъ кievскимъ и всея Руси. Побывавъ въ Ордѣ—отправился въ Никею и принялъ въ 1250 году посвященіе отъ никейскаго патріарха, а въ 1274 году собралъ соборъ во Владимірѣ, для исправленія церковнаго и общественнаго нестроенія. Умеръ въ глубокой старости, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, 9-го декабря 1280 г.

См. Лѣтопись Волынс.—Истор. Рус. Церкви Филар. Чернигов. Мос. 1888 г. ч. 2 стр. 99, 112 и 136, прим. 221.—Твор. Св. Отц., 1843 г. ч. 4-я, прилож. „Кириллъ Еп. Холмс.“.—Гр. Толстого—Ист. Рус. Цер. Мос. 1887 г. стр. 88, 99 и 110-я. Гр. Толстой ошибочно именуетъ епископа Холмскаго Кирилла игуменомъ одного изъ южныхъ монастырей.

²⁾ Смот. Акты Историч. т. I № 44, стр. 87—89.—Святитель Іона митрополитъ московскій, родомъ изъ Солигалича, съ 12 лѣтъ онъ уже былъ въ монастырѣ Симоновомъ.—За духовные подвиги и строгость жизни посвященъ въ епископы рязанскіе и нѣкоторое время управлялъ и митрополіей московской, когда въ 1448 году, декабря 5, окончательно возведенъ въ санъ митрополита московскаго и всея Руси. Скончался 31 марта 1461 года, оставивъ по себѣ въ церкви русской высоко священную память, какъ великій святитель и чудотворецъ. Онъ написалъ много посланій, большая часть которыхъ напечатана въ актахъ историческихъ и Археографической экспедиціи. (Толст. графъ, Ист. Рус. Цер. 1887 г. стр. 223—227).

³⁾ Герберштейнъ. Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 80—81.

Въ обширномъ изслѣдованіи В. Жмакина: „Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія“ (1515—1539), между прочимъ, говорится: „Однимъ изъ народныхъ увеселеній русскаго общества XVI в. служили кулачные бои“, противъ чего и вообще противъ всякихъ „позорищъ“ горячо протестовалъ знаменитый ораторъ того времени митрополитъ Даниилъ ¹⁾. Николай Ивановичъ Костомаровъ, въ своемъ сочиненіи: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкѣ“. Спб. 1860 г.,—съ негодованіемъ относится къ этому народному развлеченію, хотя и находитъ, что оно способствовало къ развитію силы и ловкости и воспитывало воинскія доблести. „Зимою въ праздничные дни“, рассказываетъ онъ,—чаще всего на льду,

Смотри также: Афанасьевъ—Поэтическія воззрѣнія на природу, т. I стр. 270—276.

¹⁾ Чтен. въ Императ. Общ. Ист. и Древн. Русс. 1881 г. кн. 1 и 2-й В. Жмакинъ „Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія“. Стр.—110, 120, 129, 247 и др.

Митрополитъ Даниилъ родился приблизительно ранѣе 1492 года (110) Онъ былъ инокомъ Волоколамскаго монастыря и въ 1515 году избранъ братіей игуменомъ (120). „И полюбиша старца... Даниила по реклу рязанца, любяй-бо нищету и пребывая въ трудѣхъ и постѣ“... Великій Князь Василій Іоанновичъ, часто посѣщая Волоколамскій монастырь, зналъ и былъ расположенъ къ игумену его Даниилу (человѣку тонкому по уму, гибкому по нравственнымъ убѣжденіямъ и честолюбивому) (129). Февраля 27-го 1522 г. единолично своей властію поставилъ его на Русскую митрополию. Даниилъ велъ упорную борьбу съ Максимомъ Грекомъ и особенно съ инокомъ Вассіаномъ, въ мѣрѣ княземъ Васиіемъ Ивановичемъ Патрикѣевымъ-Косымъ, родственникомъ Великаго Князя. Онъ отличался умомъ и дарованіями, особенно способностями дипломатическими (62). Человѣкъ гордый, властолюбивый, а теперь еще желчный и раздражительный, Вассіанъ не терпѣлъ противорѣчій; онъ сдѣлался свободомыслящимъ и усвоилъ нѣкоторыя еретическія воззрѣнія. Какъ большой скептикъ,—по случаю обрѣтенія въ 1472 г. мощей святит. Іоны, усумнился въ ихъ святости и цѣлебности, а равно и въ святости мощей Макарія Калязинскаго (213). Великій Князь Василій Іоанновичъ умеръ 3-го декабря 1533 г., а въ 1538 году, апрѣля 3, скончалась и супруга его—правительница Елена. Когда же на престолѣ очутился Иванъ Шуйскій, не любившій Даниила, онъ, 2 февраля 1539 года, былъ лишенъ сана и сосланъ въ бывший свой Волоколамскій монастырь, гдѣ и скончался 22 мая 1547 года (247).—Жмакинъ говоритъ:

„Какъ проповѣдникъ, церковный писатель и публицистъ, въ своихъ сочиненіяхъ захватывавшій животрепещущіе вопросы своего времени и быть и нравы современнаго ему общества, митрополитъ Даниилъ, по полнотѣ, богатству и разнообразію сообщаемыхъ имъ историческихъ свѣдѣній является единственнымъ въ своемъ родѣ писателемъ и проповѣдникомъ древней Руси“ (стр. 606—647).

народъ собирався на кулачныя и палочныя бои. Охотники собирались партіями по данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками;... тутъ же били въ накры¹⁾ и бубны;... бились неистово, жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочныя бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ...

Составляя любимую и обычную забаву, кулачныя бои вовсе не были такъ мрачны, дики и жестоки, какъ представляются они Н. И. Костомарову и многимъ инымъ, находящимъ въ нихъ нѣчто грубое, звѣрское... Противники, недавно бывшіеся и безпощадно старавшіеся „сломить стѣнку“, по окончаніи битвы, мирно и добродушно шли вмѣстѣ въ „кружала“, шинки, кабаки и харчевни, гдѣ и велись жаркіе споры и оцѣнка событій боя и ловкости того или другого бойца. Что касается печальныхъ и несчастныхъ случаевъ, то—при томъ уровнѣ развитія моральнаго и общественнаго, на которомъ стоялъ тогда, да стоитъ и до сихъ поръ простой народъ (и не одинъ онъ), всѣ эти случаи вызывали только соболѣзнованіе, но не осужденіе.

Это подтверждается и тѣмъ, что кулачныя бои привлекали не однихъ простолюдиновъ, а всѣ классы общества интересовались ими и не только косвенно—организуя, такъ сказать, бои, поощряя бойцовъ, выписывая и вывозя ихъ иногда издалека; но даже лично принимали участіе, особенно въ единоборствѣ и пріобрѣтали извѣстность²⁾.

Въ Москвѣ, а отчасти и въ Петербургѣ, кулачныя бои особенно процвѣтали въ XVIII и до половины XIX вѣка. Это былъ періодъ полнаго ихъ развитія. Въ это время между иными страстными любителями кулачнаго боя (какъ напр. гр. Растопчинъ)³⁾ выдѣляется особенно знаменитый Чесменскій герой графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, хотя и братъ его, князь Григорій Григорьевичъ, также былъ знатокъ и любитель этого спорта, но болѣе случайно, болѣе такъ сказать, мимоходомъ, между прочимъ⁴⁾.

¹⁾ Накры это родъ литавръ.

²⁾ См. „Рус. Вѣстн.“ 1876 г. стр. 81. Записки Назимова.—Пыл. Стар. Пет. стр. 424.

³⁾ Ровинскій, Рус. народ. карт. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 359.

⁴⁾ „Рус. Арх.“ 1904 г. Стат. Голомбѣвскаго: Кн. Гр. Григ. Орловъ. Стр. 373, 383, 386.

Орловыхъ было пять братьевъ, было пять молодцовъ, изъ которыхъ двое: Григорій и Алексѣй выдавались по своей необычной силѣ, по удали и молодечеству, напоминая старинныхъ богатырей русскихъ. Отецъ ихъ, Григорій Ивановичъ Орловъ, былъ въ 1742 году новгородскимъ губернаторомъ (род. 1677 г. умеръ 1 апр. 1746 г.) и воспиталъ дѣтей въ строгомъ патриархальномъ порядкѣ, который и держался въ семьѣ Орловыхъ до смерти старшаго въ родѣ—брата Ивана, имѣвшаго всѣхъ ихъ въ повиновеніи ¹⁾. Князь Григорій былъ высокаго роста

¹⁾ Голомбѣвскій въ біографіи князя Григорія Орлова,—стр. 372, говоритъ: Къ Ивану (по смерти отца) перешли и обязанности старшаго въ родѣ, на него было перенесено уваженіе младшихъ, которые, въ присутствіи „старинушки“,—„папеньки-сударушки“ не сажались безъ позволенія. Онъ и завѣдывалъ всѣмъ общимъ имуществомъ и дѣлами братьевъ.

Когда послѣ рѣшенія Государыни оставить Орлова, хотѣли заставить его договориться объ этомъ, то послѣ долгихъ затрудненій, единственно черезъ посредство Ивана Григорьевича удалось уладить дѣло. Стр. 407.

Читающіе простятъ намъ нѣкоторыя подробности объ Орловыхъ, хотя бы по одному тому, что они близко стояли къ борьбѣ и боямъ на кулачки, да и невольно останавливаешься на этой семьѣ и особенно на дѣятельности двухъ изъ нея, братьевъ Григорія и Алексѣя.—Такія исключительныя личности рѣдко встрѣчаются въ исторіи и составляютъ гордость націи; они еще ждуть и біографа, и историка. Оба одаренные выдающейся красотой, страшные силачи, оба достигшіе, въ короткое время, высшаго положенія въ государствѣ—они блещутъ необыкновенными способностями. Какъ въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, такъ равно какъ полководцы, какъ администраторы и, наконецъ, какъ общественные дѣятели, они не встрѣчаютъ равныхъ себѣ. При рыцарской прямогѣ, благородствѣ, идеальной честности они являютъ—скромность, гуманность, демократизмъ.. Лишь только замѣтили измѣнившееся направленіе двора и своего при немъ положенія, какъ всѣ поспѣшили скромно удалиться и посветили себя домашней жизни, не соблазнившись даже заманчивыми приглашеніями на высокія должности. Это были искренніе сторонники уничтоженія крѣпостной зависимости съ надѣломъ землею (кн. Григ. Орловъ, при помощи пастора Эйзена, хотѣлъ даже раздать крестьянамъ, въ имѣніи своемъ—Ропшѣ, землю въ наследственную аренду). Покровители наукъ, искусствъ, литературы (ввели Фонвизина, Кулибина и пр.); открывали школы, старались о просвѣщеніи народа... Ломоносовъ и Державинъ пишутъ о нихъ стихи (но не панегирики). Въ честь одного, при жизни, ставятъ памятникъ, выбиваютъ медаль; другого встрѣчаютъ триумфальной аркой... Про Григорія Орлова Великая Екатерина писала, уже по его смерти:... „это мой Блекстонъ, который разматывалъ мои нитки“ „sa tête est naturelle et va son train et la miennne la suit“. Паленъ и Орловъ были моими ближайшими совѣтниками, и ваша покорная слуга шла между ними курецъ-галопомъ... Способности Орлова были велики... („Рус. Арх.“ 1904 г., т. 2, стр. 380). Въ разгаръ чумы въ Москвѣ—1770 г. тотъ же Григорій отважно ѣдетъ въ очагъ заразы, лично посѣщаетъ больницы,

съ правильными и нѣжными чертами лица „гигантъ съ голо-
вой херувима“. Неустрашимый и отважный, онъ отличался и
беззаветной храбростію. Въ 1758 году, въ сраженіи при Цорн-
едорфѣ, состоя въ чинѣ капитана пѣх., три раза былъ онъ
раненъ и не оставилъ поля битвы. Сдѣлавшись любимцемъ
Императрицы Екатерины II, посвятилъ себя ей всецѣло, и
когда пришло время, благородно удалился ¹⁾,—не завидуя и не
интригуя противу соперника своего князя Григорія Ал. По-
темкина ²⁾. И вотъ этотъ-то представитель высшей аристо-
кратіи того времени, приближеннѣйшій къ Великой Государынѣ
вельможа, блистательный князь Римской Имперіи ³⁾ славился,

подъ которыми отдастъ свой родовой домъ, и въ погода тихо и умѣло
умиротворяетъ Москву и прекращаетъ заразу... А сколько благотвореній
явныхъ и тайныхъ они дѣлали!.. Затѣмъ въ частной жизни, какіе это
образцовые дѣятели и хозяева; изъ-за границы они выписываютъ плуги,
разводятъ знаменитыя породы скота (Хрѣновскія); Россія обязана имъ
всемирно извѣстными Орловскими породами лошадей (рысаки, скакуны,
битюги).—Кто не знаетъ Орловскихъ гусей, даже канареекъ съ особымъ
напѣвомъ...—Всѣ виды спорта—отъ охоты на медвѣдя самъ на самъ, до
кулачныхъ боевъ имѣли въ нихъ первыхъ дѣятелей и участниковъ.
Замѣтимъ, что даже цыгане-хористы выписаны были въ Москву изъ Мол-
давіи гр. Алексѣемъ, а дочь его, красавица Анна Алексѣевна, слыла
первѣйшей наѣздницей и спортсменкой въ Россіи. См. „Рус. Арх.“ 1904 г.
двѣ статьи Голомбѣвскаго обр. Орловыхъ. „Рус. Стар.“ т. II.—Дневн. Жиха-
рева, Храповиц., Зап. Дашковой. Бароукова: Разказы изъ Рус. Ист. и
друг...

¹⁾ Императрица говорила о немъ, что—это изумительное существо, у
котораго все хорошо, наружность, умъ, сердце и душа... онъ красивѣй-
шій человекъ своего времени, добрый, довѣрчивый, искренній, высоко
честный и прямой. (Смот. Біограф. кн. Орлова; стат. Голомбѣвскаго;
„Рус. Арх.“ 1904 г., т. 2, стр. 373).

²⁾ Умень, какъ чортъ! говорилъ кн. Орловъ о Потемкинѣ, отдавая
справедливость кн. Таврическому (стр. 382). Любопытенъ разказъ Са-
мойлова о томъ, какъ братья Орловы способствовали возвращенію ко
двору окривѣвшаго Потемкина („Р. Арх.“ 1867 г., стр. 602). Кн. Таврич.
ген.-фельдмарш. Род. 29, сент. 1736, ум. 1791 г.

³⁾ Вотъ краткія свѣдѣнія о фамиліи Орловыхъ.—Въ книгѣ графа
Бобринскаго: Дворянскіе роды, внесенные въ гербовникъ, ч. II, стр. 142,
писано, что Орловы (потомъ графы) произошли отъ древней и благо-
родной Германской фамиліи изъ Польской Пруссіи. Въ Родословной
книгѣ П. Долгорукова, Мос. 1854 г. т. II, стр. 234, и т. IV, стр. 437 и 439,
сказано, что въ 1627 г. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были дворяне Мо-
сковскіе—Иванъ Ивановичъ Орловъ (дѣдъ ихъ) и съ 1636—1658 г. стряп-
чіе Тарасъ Ивановичъ и Герасимъ Ивановичъ родоначальники фамиліи
Орловыхъ. Наконецъ, въ Родословномъ Сборникѣ Румпеля, т. I, стр. 303,
говорится объ Орловыхъ, какъ потомкахъ „мужа честна“ Льва Ивано-
вича Орлова, выѣхавшаго изъ Пруссіи въ 1393 г. По смерти Григорія

какъ особенный покровитель и любитель кулачнаго боя. Конечно, онъ не участвовалъ въ общихъ свалкахъ, но, присутствуя на нихъ, живо интересовался самымъ ходомъ этихъ какъ-бы сраженій, а особенно тѣми силачами, одно появленіе которыхъ наводило панику на всю огромную массу—„стѣнку“ противниковъ и иногда рѣшало бой. Онъ даже вступалъ съ ними въ единоборство,—выходилъ „самъ на самъ“—„пробовалъ силу“—какъ говорилось. Такіе турниры кончались непременно пирушками и попойкой съ бойцами и борцами, даже изъ простонародья. „Неистовыя вакханаліи съ кулачными бойцами (говорить княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, стр. 88) были

Ивановича Орлова, въ 1746 г. быв. новгородскимъ губернаторомъ, чело-вѣка богатаго (имѣвшаго, между прочимъ, въ Москвѣ у Григорія на Всполю, на быв. Вознесенской, а теперь Малой Никитской, родовой домъ), женатаго на Лукерѣ Ивановнѣ Зиновьевой („Рус. Стар.“ т. II, стр. 6), остался старшимъ въ родѣ тринадцати-лѣтній сынъ Иванъ Григорьевичъ. Въ 1749 г. онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ и, вышедши въ отставку въ 1762 г. капитаномъ и графомъ, занялся общими дѣлами всей семьи и воспитаніемъ младшаго брата Владиміра... Родился 3 сентяб. 1733 г., скончался бездѣтнымъ—16 ноября 1791 г. (Дневн. Храповицкаго, стр. 256). Въ статьѣ Голомбѣвскаго, „Рус. Арх.“... 1904 г. кн. 2, стр. 524, дата смерти означена 18 ноября.

За нимъ слѣдуетъ Григорій-князь Орловъ.—Онъ также и въ томъ же 1749 году солдатомъ поступилъ въ Семеновскій полкъ. Съ 1765 г. шефъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-фельдцейхмейстеръ и генералъ-директоръ надъ фортификаціями, а съ 21 іюля 1763 г. пожалованъ германскимъ императоромъ Іосифомъ II въ княжеское Римской Имперіи достоинство, съ титуломъ Свѣтлости (хотя не пользовался имъ до 1772 г.); женатъ былъ на двоюродной сестрѣ Екатеринѣ (Ульянѣ) Николаевнѣ Зиновьевой, умершей въ Лозаннѣ 16 іюня 1781 года. Родился 6 окт. 1734, а умеръ 49 лѣтъ, бездѣтнымъ 13 апрѣля 1783 г. Третій братъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ—потомъ Орловъ-Чесменскій, родился 25 сентября 1735 г., а скончался 24 декабря 1807 г., оставивъ дочь Анну (род. 2 мая 1785 г., умерла дѣвницей 5 окт. 1848 г.). Въ 1749 году онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1767 г. подполковникъ Преображенск. полка и на слѣдующій годъ орденъ Андрея Первозваннаго. Въ 1769 г. адмиралъ, генералъ-аншефъ. Въ ночь съ 25 на 26 іюня 1770 г. уничтожилъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ, за что, кромѣ многихъ наградъ, получилъ прозваніе Чесменскаго. Въ томъ же году удалился отъ дѣлъ и поселился въ Москвѣ. Въ 1782 году 6 мая женился на Авдотѣ Николаевнѣ Лопухиной, дочери Николая Александровича Лопухина и Анны Алексѣевны Жеребцовой. Умерла она 20 августа 1786 года, вторыми родами сына Ивана (прожившаго четыре года, умеръ 1790 г.). Родилась же 17 декабря 1761 г. („Рус. Стар.“ т. XVI стр. 210).

Федоръ Григорьевичъ былъ четвертымъ.—Есть извѣстіе, что въ 1749 году, одновременно съ поступленіемъ другихъ братьевъ на службу въ

любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ ¹⁾. И другіе Орловы также увлекались кулачными боями, „но“ (говоритъ Голомбѣвскій, стр. 373) Григорій далеко превосходилъ своихъ братьевъ въ страстной любви ко всякаго рода спорту, во всѣхъ его проявленіяхъ, начиная отъ кулачныхъ боевъ и всевозможныхъ „крѣпышей“... и кончая „бѣгунами“. Молва о немъ, какъ силачѣ и кулачномъ бойцѣ, шла далеко въ народѣ: напримѣръ—придворный оружейникъ Лебедевъ, рассказывая въ своей компаніи о графѣ А. Г. Разумовскомъ и его богатствѣ, съ ироніей замѣчаетъ, „что-де у графа даже кафтанъ былъ съ брилліантовыми пуговицами, побогаче звѣзды“ „что бойцу кулачному“ приказано сдѣлать ²⁾.

разные полки, опредѣленъ былъ въ кадетскій корпусъ. (Голомбѣвскій, стр. 372). Службу онъ началъ въ Семеновскомъ полку, участвовалъ въ Турецкой кампаніи, получилъ генераль-аншефа и былъ оберъ-прокуроромъ Сената. Род. 8 февраля 1741 г., умеръ 17 мая 1796 года, оставилъ семерыхъ незакон.-рожд. дѣтей, которымъ Государыня, 27 апрѣля 1796 г., присвоила дворянское достоинство, права и гербъ фамиліи Орловыхъ.

Наконецъ, младшимъ изъ братьевъ, Владиміромъ, заканчивается циклъ семьи Орловыхъ. Онъ былъ генераль-поручикомъ и съ 1793 года Директоромъ Императорской Академіи Наукъ. Родился 8 іюля 1743 г. и умеръ 8 февраля 1831 г. Женатъ былъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ. Имѣлъ нѣсколько человекъ дѣтей.

Всѣ пять братьевъ въ день коронаціи Государыни Императрицы Екатерины II, сентября 22-го 1762 года, получили графское достоинство.

Изъ послѣдующихъ потомковъ, особенно извѣстенъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (сынъ Ѳедора Григорьевича), возведенный 25 декабря 1825 г. въ графское достоинство, а 22 августа 1856 г. въ княжеское Российской Имперіи... Генераль-отъ-кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, шефъ корпуса жандармовъ, кавалеръ всѣхъ орденовъ, посланникъ въ Парижѣ. Женатъ былъ на княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ, дочери тайнаго совѣтника Александра Александровича Жеребцова. Родился въ 1788 году. Скончался въ 1861 г.

¹⁾ Крики и пѣсни пьяной толпы, высыпавшей на улицу послѣ пирушки Орловыхъ, до полусмерти испугали лежавшую послѣ родовъ княгиню Дашкову... „Рус. Архивъ“ 1904 г., ч. 2, стр. 383. Статья Голомбѣвскаго.

Въ 1759 году, возвратившись изъ-за границы, послѣ войны съ Пруссією въ конвоированіи взятаго въ плѣнъ флигель-адъютанта прусскаго короля, графа Шверина, Орловъ поселился рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, у Полицейскаго моста и проводилъ время въ кутежахъ и похожденияхъ въ многочисленномъ, но далеко не изысканномъ обществѣ. См. „Рус. Стар.“ II, стр. 7.

Гильбигъ, секретарь Саксон. Посол., пишетъ, что Орловы славилась красотой, силой... и съ успѣхомъ вступали въ состязанія и превосходили даже и въ такъ называемыхъ русскихъ кулачныхъ бояхъ. См. „Рус. Стар.“ 886 г. № 10, стр. 4.

²⁾ „Рус. Арх.“ Голомбѣвскій, Біогр. Ал. Орлова, стр. 383.

Такимъ же, если не большимъ любителемъ боевъ на кулачки, какъ князь Григорій Орловъ въ Петербургѣ, сдѣлался въ слѣдствіи извѣстнымъ въ Москвѣ знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Личность во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшая.

Обладая всѣми достоинствами брата — красотой, благородствомъ, прямодушіемъ, а физической силой даже значительно превосходя его (ударомъ сабли отсѣкалъ онъ голову быку, одной рукой останавливалъ шестерку лошадей и т. п.)¹⁾, былъ скрытнѣе и сдержаннѣе, что, при большомъ политическомъ тактѣ и благоразуміи, дѣлало его практичнѣе и дальновиднѣе Григорія. Совѣтовъ его слушались даже остальные братья²⁾. Минуя всѣ громадныя заслуги и таланты его, необходимо, вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, утвердительно сказать, что не только Государынѣ Екатеринѣ II, но и всей Россіи—онъ оказалъ громадную услугу, избавивъ отъ неисчислимыхъ, быть можетъ, бѣдствій...

Арестъ имъ—извѣстной авантюристки княжны Таракановой или—принцессы Владимірской, представляется подвигомъ высокой дальновидности и мудрости. Этому не только не придаютъ должнаго значенія; но умаляютъ—не цѣнятъ по его важности и омрачаютъ дѣйствія Орлова обвиненіями въ вѣроломствѣ, въ завлеченіи беззащитной,—увлекшейся имъ женщины, въ ловушку и въ преданіи ея русскимъ властямъ³⁾. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что умнѣйшій и дальновиднѣйшій человекъ своего времени гр. А. Орловъ сумѣлъ бы отстранить отъ себя это дѣло, если бъ не видѣлъ, какими послѣдствіями оно угрожаетъ и Государынѣ, и всей Россіи. Именуя себя дочерью Елизаветы Петровны, сестрой Пугачева, поднявшаго страшное волненіе подъ именемъ Цетра III, эта необыкновенно энергичная женщина, сумѣвшая вскружить голову дворянамъ Европы, увлекавшая всѣхъ, въ комъ видѣла нужду, достигшая титула графини и проч., проникнувъ въ Россію, взволнованную бунтами, возстаніями, чумой и пугачевщиной, могла найти своихъ Мировичей и натворить такихъ дѣлъ, о которыхъ и подумать страшно. Жертвуя своей репутаціей и своими личными чувствами, гр. Алексѣй Орловъ остается рыцарски

¹⁾ Тоже, стр. 500.

²⁾ Тамъ же, стр. 499.

³⁾ „Рус. Вѣстн.“ 1859, № 24. Стат. Лонгинова, Кн. Тараканова.—Мельниковъ, еоч. Изд. 2-е, стр. 60, 61, 62, 90, 107 и 140. Голомб., стр. 515 и 518.

вѣренъ всѣмъ ему обязанной Государынѣ Екатеринѣ II. Онъ арестуется въ Ливорно и привозитъ невѣдомую авантюристку въ Россію и самъ уходитъ въ частную жизнь. Очень жаль, что этотъ поступокъ его не оцѣненъ безпристрастно. Самозванка, именовавшая себя то султаншей Селимой, то графиней Пинненбергъ и пр. и пр., увлекшая польскаго посла въ Парижѣ Огинскаго, потомъ владѣтельнаго графа Филиппа-Фердинанда Оберштейнъ-Лимбургскаго, подарившаго ей этотъ Оберштейнъ; увлекшая даже кардинала Альбани и много иныхъ, могла быть страшнѣе Пугачева, для спокойствія имперіи Россійской. 25 мая 1775 г. больная и беременная, водворена она была въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и скончалась 4 декабря, послѣ родовъ ¹⁾.

Іюля 10-го, графъ Алексѣй Григорьевичъ, по арестѣ Таракановой ²⁾, сухопутьемъ прибывъ въ Москву къ празднованію Кучукъ-Кайнарджисскаго мира и здѣсь, несмотря на то, что въ день торжества осыпанъ былъ милостями,—получилъ похвальную грамоту, серебряный сервизъ и 60.000 руб., прозваніе Чесменскаго, что въ честь его повелѣно поставить въ Царскомъ Селѣ монументъ, а на седьмой верстѣ отъ Петербурга построить храмъ, дворецъ же тамошній переименовать въ Чесменскій,—все это и было исполнено (дворецъ теперь обращенъ въ богадѣльню того же наименованія), несмотря на всѣ эти почести и подарки, обласканный и награжденный, графъ остался въ Москвѣ и не вернулся въ Петербургъ.

¹⁾ Соч. Мельникова, т. 6, стр. 52—89 и др. Изд. 1909 г.

²⁾ Несомнѣнно, что у Елизаветы Петровны отъ тайнаго брака съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ были дѣти; изъ нихъ одна дѣвочка извѣстна подъ именемъ княжны Таракановой (см. Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. 1863 г. № 3), имѣвшей имя Августы. Судьба ея до 40 лѣтняго возраста неизвѣстна. Въ 1785 году она повелѣніемъ Императрицы Екатерины II пострижена (съ ея согласіемъ) въ Москвѣ, въ бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ, что на Солянкѣ (въ 1812 г. этотъ монастырь упраздненъ, оставлена лишь церковь во имя Іоанна Предтечи), подъ именемъ Досифея (см. Русскія достопр., Мартынова, кн. 5. Иван. монастырь). Здѣсь она прожила двадцать пять лѣтъ. Скончалась 4 февраля 1810 года 64 лѣтъ. При жизни въ монастырѣ ее посѣщали высокопоставленныя лица и въ числѣ ихъ митрополитъ Платонъ.

На похоронахъ же были—главнокомандующій гор. Москвы, гр. Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на Прасковѣ Кирилловнѣ Разумовской, двоюродной сестрѣ усопшей. Много было сенаторовъ и вельможъ въ парадныхъ мундирахъ... масса народу. Похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ рода Романовыхъ (подробности смотр. въ полн. собр. сочин. П. И. Мельникова. Изд. 2-е, 1909 г. стр. 13—17). „Рус. Вѣстн.“, 1859 г. № 24.—„Рус. Бес.“, 1859 г. № 6.

Онъ отказался отъ службы, отъ двора, отъ славы и отъ государственной дѣятельности и поселился въ Москвѣ, сохранивъ только званіе подполковника Преображенскаго полка и дарованную ему пенсію 29.682 руб. ¹⁾, съ чиномъ генералъ-маіора.

Кто въ Москвѣ не зналъ, съ 1775—1807 года, дома въ Нескучномъ подѣ Донскимъ монастыремъ. Онъ былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ и званыхъ, и незваныхъ, и знакомыхъ, и чужихъ. И не однѣ забавы да увеселенія, банкеты да пиры влекли туда посѣтителей—нѣтъ, графъ отличался обширной благотворительностью явной и особенно тайной. Здѣсь жилъ истый вельможа и бояринъ великорусскій, который умѣлъ соединить пріятное съ полезнымъ и не въ праздности и пирахъ проводившій время ²⁾ и жизнь свою, но служившій истымъ украшеніемъ царствованія Великой Государыни. Заслуги графа Алексѣя Григорьевича и на этомъ скромномъ поприщѣ частной жизни, извѣстны всѣмъ и каждому, даже „до днѣ сего“. Въ 1796 году Державинъ писалъ:

„Изъ одного благодаренья
„По чувству сердца моего
„Я пѣснь ему пою простую...

Популярность графа не между одной Московскою знатью или среднимъ сословіемъ, но и въ простомъ народѣ была безгранична... На его рысаковъ, на его скачки и бѣга или посмотришь на „кулачные бои“, которые онъ устраивалъ для народа, стекались массы къ Нескучному подѣ Донской монастырь.

Вотъ что рассказываетъ очевидецъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ ³⁾: „Гулянье 1 мая въ Сокольникахъ было бы не гулянье для москвичей,—если бы не появился на немъ поѣздъ графа Алексѣя Орлова... Обыкновенно на статномъ любимомъ конѣ своемъ „Свирѣпомъ“ ѣхалъ самъ Орловъ, въ парадномъ мундирѣ, обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣ-

¹⁾ Общ. Арх. Мин. Императ. Дв. Оп.—15/1365, дѣло 217.

²⁾ П. Бартеневъ въ примѣч. къ статьѣ Голомбѣевскаго—А. Г. Орловъ-Чесменскій, „Рус. Арх.“ 1904 г., стр. 530, говоритъ: въ Нескучномъ въ Москвѣ, разъ въ недѣлю собиралось къ графу А. Г. Орлову многолюдное общество. Пѣли, плясали, но въ одиннадцать часовъ трубалъ рогъ, графъ подымался съ своего мѣста и произносилъ: hegaus (т. е. вонъ), и разѣздъ начинался... И никто не обижался на этотъ выкрикъ. П. Б.

³⁾ Жихаревъ,—Записки, стр. 45, 46, 92.

рыхъ лошадяхъ вѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій и множество другихъ особъ; за ними слѣдовали берейторы и конюхи графа, не менѣе 40 человекъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ поводу по заводской лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ.—Наконецъ, потянулись графскіе экипажи, запряжки цугомъ и четверкой одномастныхъ лошадей и т. д.

Зимой на бѣгахъ, самъ графъ, въ малиновой бархатной шубѣ, вѣдилъ на любимыхъ рысачахъ „Любезномъ“ и „Каткѣ“... Передъ бесѣдкой при домѣ Орлова пѣли и плясали цыгане, потомъ завязывался „кулачный бой“...

Графъ Орловъ любилъ народъ и его любили крѣпостные его крестьяне, а особенно многолюдный штатъ дворовыхъ ¹⁾. Державинъ писалъ:

Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю,
Или, какъ то наскучить мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ скакунѣ...
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ.

Соч. т. VI, стр. 127.

Дм. А. Ровинскій въ соч. своемъ: Рус. народ. картинки (Спб. 1900 г., т. 2, стр. 355) тоже указываетъ на графа Алексѣя Орлова, какъ большого любителя кулачныхъ боевъ... „Особенною извѣстностію пользовались кулачные бои, говоритъ онъ, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа, Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, что въ Нескучномъ; въ этомъ домѣ устроенъ былъ особый фонарикъ, изъ котораго графъ Орловъ смотрѣлъ на бой.

Передъ боемъ привозились цѣлыми возами кожанныя рукавицы; собирались партіями фабричные съ разныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники; случались охотники изъ купцовъ, въ мѣховыхъ шубахъ и даже изъ господъ. Вся орава раздѣ-

¹⁾ Голомбѣвскій.—Биогр. гр. Алексѣя Орлова-Чесменскаго. „Рус. Арх.“ 1904 г., т. 2, стр. 499.

лялась надвое и выстраивалась другъ передъ другомъ въ двѣ стѣны; драку начинали, въ небольшихъ бояхъ,—„заводные“ одинъ на одинъ, потомъ шли всѣ остальные стѣна на стѣну; запасные бойцы стояли въ сторонѣ и принимали участіе въ дракѣ только тогда, когда ихъ стѣну начинала тѣснить противная стѣна“.

Еще, какъ о страстномъ любителѣ кулачнаго боя, чуть ли не больше своего родителя, Ровинскій рассказываетъ о „сынѣ“ графа Алексѣя Григорьевича, не называя его по имени. При чемъ онъ обладалъ громадной силой и лично выходилъ биться съ бойцами—самъ на самъ, покровительствовалъ силачамъ и бойцамъ и имѣлъ среди нихъ нѣсколько особенно излюбленныхъ и т. д. ¹⁾.

Какъ извѣстно, у графа Алексѣя Григорьевича было только двое дѣтей отъ супруги его Авдотьи Николаевны Лопухиной—дочь Анна Алексѣевна и сынъ Иванъ, умершій въ 1790 г. 4 лѣтъ и похороненный въ Донскомъ монастырѣ ²⁾. Поэтому извѣстіе о сынѣ графа, при немъ жившемъ, можетъ вызвать недоумѣніе. Тѣмъ болѣе, что существуетъ мнѣніе о сынѣ его отъ самозванной княжны Таракановой по имени Александръ, мать котораго пока еще не извѣстна. И хотя впоследствии онъ неотлучно жилъ съ отцомъ въ Москвѣ и потомъ съ нимъ же уѣхалъ, при воцареніи Императора Павла I, за границу, но о жизни и службѣ его подробныхъ извѣстій не имѣется.

Предположенія эти совершенно теряютъ значеніе, если сопоставить съ одной стороны, что годомъ своего рожденія самъ Александръ Алексѣевичъ Чесменскій называетъ 1762 г., а съ другой, — что въ дневникѣ Храповицкаго ³⁾ подъ 30 іюня 1787 г. записано: „графъ Орловъ-Чесменскій кланялся въ ноги за пожалованіе сына въ капитаны Преображенскіе; такимъ образомъ если Лже-Елизавета, умершая 4 декабря 1775 г., родила сына 25 ноября, ему въ 1787 г. могло быть только 12 лѣтъ и, слѣдовательно, „капитаномъ гвардіи“ ⁴⁾ онъ быть не могъ.

¹⁾ Ровин., Рус. народ. картинки. Спб. 1900 г., стр. 355.

²⁾ „Рус. Арх.“ 1904 г., 520—521.

³⁾ А. В. Храповицкій, — Дневникъ. Спб. 1874 г., стр. 142.

⁴⁾ Въ Преображенскомъ полку постепенность начальствующихъ лицъ располагалась такъ: шефъ полка, полковой командиръ, полковники (иногда до десяти), капитаны (тоже), штабсъ-капитаны, поручики, подпоручики и прапорщики.

Гельбигъ въ своемъ сочиненіи говоритъ ¹⁾: у „Орлова былъ еще незаконнорожденный сынъ, котораго онъ усыновилъ. Мы не знаемъ имя его матери, сыну же отецъ далъ свое прозваніе—Чесменскій. Это былъ чрезвычайно красивый мужчина“. Къ этому еще добавимъ, что онъ былъ женатъ на Аннѣ Николаевнѣ Піотровской.

Въ 1796 г. графъ Алексѣй Григорьевичъ просилъ гр. Н. И. Салтыкова ²⁾ исходатайствовать отставку бригадиру Чесменскому, по болѣзни ногъ, а 31 января 1797 года бригадиръ Чесменскій писалъ изъ Новогрудка въ Москву: „вчерашній день на дорогѣ получили мы курьера отъ Архарова ³⁾ съ пріятнымъ извѣстіемъ, что графъ, графиня и я отпущены въ чужіе края, по паспорту съ будущимъ при графѣ ⁴⁾).

Дѣло въ томъ, что по вступленіи на престолъ Павла I, въ 1796 году, графъ Орловъ-Чесменскій со всей семьей и даже съ невѣсткой и сыномъ уѣхалъ за границу, гдѣ и прожилъ до воцаренія въ 1801 году Императора Александра I. Хотя Мельниковъ и говоритъ, что Александръ Чесменскій умеръ въ молодости ⁵⁾, но извѣстно, что онъ въ 1801 году возвратился изъ „чужихъ краевъ“ съ семействомъ отца и по извѣстію Орлова-Давыдова ⁶⁾ дослужился до чина генералъ-маіора. О времени смерти его свѣдѣній нѣтъ, но надо полагать, что онъ скончался уже по смерти отца своего графа Алексѣя и потомства не оставилъ ⁷⁾.

Какъ упомянуто было, молодой Чесменскій отличался необыкновенной силой и страстно любилъ кулачные бои. Подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, на громадномъ полѣ или на Москвѣ-рѣкѣ выставлялась на бояхъ этихъ особая палатка, гдѣ, окруженный знакомыми и любимцами-силачами, онъ слѣдилъ за ходомъ боя и иногда выходилъ драться самъ, но только одинъ на одинъ. Особенными фаворитами его были небольшого роста,

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1886 г., № 10, стр. 10. Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.

²⁾ Салтыковъ Николай Ивановичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, воспитатель Императора Александра I. Род. 31 октября 1736 г. Умеръ въ 1810 г.

³⁾ Архаровъ Николай Петровичъ. Съ 1796 г. генералъ-губернаторъ с.-петербург., новгородскій и тверской. Род. 7 мая 1742 г. Умеръ въ 1815 году.

⁴⁾ „Рус. Арх.“ 1873 г., т. 1, стр. 468 и 1904 г., т. 2, стр. 525. Ст. Голумбѣвскаго.

⁵⁾ Сочин., т. VI, стр. 104.

⁶⁾ Орловъ-Дав.—Биогр. оч. гр. Владим. Григ. Орлова, т. 1, стр. 306 и друг.

⁷⁾ Умеръ 73 лѣтъ 23 декабря 1807 года.

худощавый и невзрачный съ виду—приказный чиновникъ „Ботинъ“; такой же невзрачный фабричный „Соколикъ“, оба они обладали выдающеюся силой и притомъ ловкостью и изворотливостію въ бояхъ. Но особенно Семень Трещала—громднаго роста и силы непомѣрной, тоже фабричный, одинъ валившій (т. е. опрокидывавшій) „цѣлыя стѣнки“ и кулакомъ выбивавшій кирпичи изъ печки, о чемъ А. Ровинскій самъ слышалъ отъ очевидца ¹⁾. Слава этого бойца—Трещала была такъ распространена, что извѣстный поэтъ и баснописецъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ ²⁾ дѣлаетъ его предметомъ своей сказки: „Кулачные бойцы“, въ которой рассказываетъ случай изъ походовъ этого Семена Трещала:

„Въ Москвѣ фабричный былъ Семень, силачъ-боецъ
 (извѣстный подъ кличкой Трещала. *Пр. авт.*)
 „Заразъ изъ печи изразецъ
 „Своею вышибалъ желѣзной пятернею,
 „Когда же, на бою являлся предъ стѣною (т. е. стѣной, или
 „стѣнкой“—толпы дерущихся... *Прим. автора*)
 „Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
 „Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
 „А клики радости и похвала за нимъ.
 „По окончаніи сраженья,
 „Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
 „Въ питейный домъ
 „Для угощенья.

В. Лебедевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ Ровинскій, Рус. народн. картинки. Спб. 1900 г., стр. 356, т. 2-й.

²⁾ Баснописецъ, критикъ и журналистъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ родился въ 1779 году, воспитаніе получилъ въ Горномъ институтѣ, умеръ въ 1831 г. Литературную карьеру началъ романомъ: Евгений или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества. 2 части, Спб. 1799—1801 года... Романъ имѣлъ успѣхъ, но впоследствии не понравился цензурѣ, изданій его больше не было, и даже онъ не вошелъ, въ издававшемся А. Смирдинымъ полномъ собраніи соч. русск. авторовъ, въ собраніе соч. Измайлова, 2 тома, Спб. 1849 года.

Смирдинъ въ примѣчаніи, въ концѣ 2 тома, отмѣтилъ по этому поводу:... повѣсть его Евгений... и т. д. не помѣщена по причинѣ, отъ издателя не зависящей. Теперь книжка эта считается рѣдкой и продается дорого.

Ал. Еф. въ 1809—1810 г. издавалъ жур. „Дѣтникъ“, а съ 1818—1827 г. „Благодѣтельный“. Съ 1817 г. принималъ дѣятельное участіе и редактировалъ, издававшійся Н. И. Гречемъ „Сынъ Отечества“. Басни его выдержали 8 изданій, съ 1814—1891 г.